№10(14)

ISSN 1829-4820

Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова
в г. Ереване

Журнал входит в список
периодических изданий ВАК РА

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

2022

Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան պետական համալսարանի մասնաճյուղ

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

M. Lomonosov Moscow State University, Yerevan branch

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

10 (14)

ԵՐԵՎԱՆ 2022
ЕРЕВАН 2022
YEREVAN 2022

Երաշխավորվել է տպագրության Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ.Վ.Լոմոնոսովի անվան պետական համալսարանի մասնաճյուղի գիտական խորհրդի կողմից

Печатается по решению Ученого совета филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

Reprinted by decision of the Academic Council of the branch of the Moscow State University M.V. Lomonosov in Yerevan

«ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ» գիտամեթոդական հանդեսի առաքելությունը ՀՀ-ում ռուսագիտության՝ որպես լեզվաբանության ճյուղի մասսայականացումն է, ռուսաց լեզվի ուսումնասիրման նկատմամբ հետաքրքրություն առաջացնելը, օտարերկրյա հետազոտողների ուշադրությունը հայ գիտնականների մշակումներին հրավիրելը, դրանով իսկ հայ ռուսագիտության մասսայականացումն է, համատեղ ծրագրերի, դրամաշնորհների մշակման հնարավորության ընձեռումը, մագիստրոսների ներգրավումը հետազոտական աշխատանքներին:

Назначение научно-методического журнала «**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ**» рассматривается нами в ракурсе популяризации в РА русистики как отрасли языкознания, привлечения интереса к изучению русского языка, привлечения внимания зарубежных исследователей к разработкам армянских ученых и тем самым популяризации армянской русистики, возможности разработки совместных проектов, грантов и пр., привлечения магистрантов к научно-исследовательской работе.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ // Научно-методический журнал, №10 (14). / Глав. ред. Саркисян И.Р.; сост.: Акопян А.С. – Ереван: Изд-во МГУ, 2022. – 204 с.

ISSN 1829-4820

*Журнал входит в список периодических изданий **ВАК РА***

ORCID: 0000-0001-9263-6791

© Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ПОЛЕМИЧЕСКИЙ ПЛАСТ «ЗОЛОТА В ЛАЗУРИ» А. БЕЛОГО: «АРГОНАВТИЧЕСКИЙ МИФ» И ДИАВОЛИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

Эдгар Суренович Аршакян
edgar.arshakyan@ysu.am

Соискатель кафедры русской литературы,
Ереванский государственный университет,
Ереван, Республика Армения

АННОТАЦИЯ

В статье проводится анализ мифопоэтической системы «Золота в лазури» Андрея Белого с точки зрения проблемы полемического переосмысления доминирующих мотивов художественной парадигмы раннего русского символизма. В данном контексте рассматривается преимущественно поэзия Федора Сологуба как наиболее яркого представителя диавольческого дискурса русского символизма.
Ключевые слова: А. Белый, Ф. Сологуб, «Золото в лазури», диавольческий дискурс, символизм, мифопоэтика.

Говоря о дебютном произведении Андрея Белого – «Симфонии (2-й, драматической)», вышедшей в свет в апреле 1902 года, А.В. Лавров отмечает: «“Симфонии” суждено было стать первой яркой манифестацией русского символизма “второй волны”, наследовавшего символизму 1890-х годов в его “декадентском” изводе и в то же время ему противостоявшего, символизма “жизнестроительного”, религиозно-философского, теургического» [13: 5]. Не менее яркой манифестацией, наряду с первыми книгами стихов Вяч. Иванова («Кормчие звезды») и А. Блока («Стихи о Прекрасной Даме»), стала книга

Белого «Золото в лазури» (1904). Смена доминирующих мотивов в поэзии русского символизма, естественно, привлекла за собой также смену общей мифопоэтической системы.

Мифопоэтика младших символистов в известной степени противопоставляется диаволическому дискурсу русского символизма. Полемическое переосмысление художественной системы раннего русского символизма касается, в частности, характеристики лунного и солнечного миров. В соответствии с дуалистической мифологической системой лунный и солнечный миры сохраняют полярное положение в двух художественных системах, меняя при этом свою ценностную характеристику. Тенденция эта отчетливо прослеживается при сопоставлении первых стихотворений «Золота в лазури» с художественной парадигмой диаволического дискурса. Здесь прежде всего следует выделить творчество наиболее яркого его представителя – Федора Сологуба.

Общий пафос сологубовского мифа о Солнце-Змие отмечен уже современниками поэта. Неоднократно затрагивался этот аспект также в научной литературе. То же, в сущности, можно сказать о роли образа солнца в ранней лирике А. Белого. Противоположность идеологических ориентиров, которая во многом определила образно-мотивные различия в творчестве двух поэтов, достаточно подробно представлена в статье Е.Г. Григорьевой «Федор Сологуб в мифе Андрея Белого» [11]. При этом, как показывает Григорьева, в своей рецепции сологубовского творчества Белый во многом акцентирует именно идейную противоположность. Неслучайно, поэтому, что определенный полемический пласт мифопоэтической системы «Золота в лазури», реализованный на уровне отдельных образов и мотивов, достаточно наглядно предстает при сопоставлении мифопоэтики раннего Белого с художественным миром Сологуба. Вместе с тем в контексте наших задач поэзия Сологуба рассматривается с точки зрения парадигматических образов и мотивов диаволического дискурса[1].

[1] Более широкий контекст образно-мотивной системы русского символизма подробно представлен в работах О. Ханзен-Лёве [20]; [21]. С точки зрения полемического пласта мифопоэтики «Золота в лазури» нами рассматриваются стихотворения Ф. Сологуба, В. Брюсова и К. Бальмонта, написанные до 1902 года включительно и являющиеся актуальным контекстом при рассмотрении «Золота в лазури».

Как известно, негативная характеристика солнечного мира проходит через все творчество Сологуба. Отдельное издание восемнадцати стихотворений, объединенных центральным образом Солнца-Змия (Солнца-Дракона), Сологуб осуществил в 1907 году (книга «Змий»). Сам миф о Солнце-Змие, однако, начал формироваться гораздо раньше. В творчестве Сологуба солнце как главный источники жизни становится конкретным символом мирового зла и шопенгауэровской злой воли [12: 28]. В контексте этого мифа в поэзии Сологуба осмысляется переход от ночного состояния к дневному:

Но загорелся лютый змей,
И тяжким зноем говорит,
Что вереница праздных дней
Бесследно в вечность пролетит[2]. [18, Т.2.1: 520].

При этом обратный процесс получает положительную характеристику:

В паденьи дня к закату своему
Есть нечто мстительное, злое.
Не ты ли призывал покой и тьму,
Изнемогая в ярком зное?
Не ты ль хулил неистовство лучей
Владыки пламенного, Змия,
И прославлял блаженный мир ночей
И звезды ясные, благие?

И вот сбылось, – пылающий поник,
И далеко упали тени.
Земля свежа. Дианин ясный лик
Восходит, полон сладкой лени.
И он зовёт к безгласной тишине,
И лишь затем он смотрит в очи,
Чтобы внушить мечту о долгом сне,

[2] Ср. также мотив восхода солнца в следующих стихотворениях Сологуба: «Опять в лазури ясной…», «Утро ласковое звонко…», «Безжизненный чертог...», «Мечи отчаянья свергаются с небес...» и др.

О долгой, – бесконечной, – ночи. [18, Т.2.2: 125–126].

Приведенное стихотворение отражает характерные мотивы сологубовского лунного мира. Очевидно, подтекст стихотворения отсылает к сюжету древнегреческого мифа о Селене и Эндимионе – к мотиву усыпления Эндимиона вечным сном. На данном сюжете построено также более позднее стихотворение Сологуба «Сошла к земле небесная Диана», в котором снова вместо греческой богини луны Селены выступает римская Диана. В последнем стихотворении сюжет древнегреческого мифа играет гораздо существенную роль, тогда как в приведенном тексте он вставлен в контекст поэтического мифа Сологуба и ассимилирован им: вместо Эндимиона здесь выступает лирический герой стихотворения. Примечательно, что Сологуб отдает предпочтение версии, согласно которой Эндимион погружен в вечный сон по собственному желанию.

Обратимся теперь к первому стихотворению «Золота в лазури»:

<…> И, закрытые тьмой,
горизонтов сомкнулись объятья.
Ты сказал: «Океан голубой
еще с нами, о братья!»

Не бояся луны,
прожигавшей туманные сети,
улыбались – священной весны
все задумчиво грустные дети.

Древний хаос, как встарь,
в душу крался смятеньем неясным.
И луна, как фонарь,
озаряла нас отсветом красным. <...> [6: 79].

Следует обратить внимание на один из важнейших признаков луны, которым определяется ее негативная характеристика в мифопоэтической системе «Золота в лазури» – неестественность лунного света (И луна, как *фонарь*, / озаряла нас *отсветом* красным). На то, что в контексте бинарной оппозиции двух миров в мифопоэтике «Золота в лазури» существенную роль

играет признак «*искусственности – естественности»* указывает соответствующая характеристика солнечного мира, в котором превалирует символика огня и света. Приведем типичный пример:

Земля отлетает...
Вино
мировое
пылает
пожаром
опять:
то огненным шаром
блистать
выплывает
руно
золотое,
искрясь.

И, блеском объятый,
светило дневное,
что факелом вновь зажжено,
несясь,
настигает
наш Арго крылатый.

Опять настигает
свое золотое
руно... [6: 82].

Мы видим, что по признаку *«искусственности – естественности»* конкретные символы лунного и солнечного миров распадаются на две противоположные группы (*фонарь – факел, отсвет – светило*).

В творчестве Белого и, особенно, Блока мифология искусственного освещения (как электрического, так и газового) занимает важное место. При этом в творчестве обоих поэтов символика фонарей имеет преимущественно нега-

тивные коннотации[3]. В «Диалектике мифа» А.Ф. Лосев, в свою очередь мифологизируя природу электрического освещения, пишет о его мертвенности и механичности: «Свет электрических лампочек есть мертвый механический свет»; «В нем есть безразличие всего ко всему, вечная и неизменная плоскость» [14: 78]. В то же время Лосев отмечает: «Электрическому свету далеко до бесовщины. Слишком он уж неинтересен для этого. Впрочем, это, быть может, та бесовская сила, про которую сказано, что она – скучища пренеприличная» [14: 78–79]. Правда, в творчестве Белого и Блока искусственное освещение не лишено определенной связи с демоническим началом. Что касается раннего русского символизма, то в нем образ фонаря не является парадигматическим. Наиболее интенсивно этот образ разрабатывал Брюсов, однако в брюсовской поэзии образ фонаря имеет двойственную природу. Поэтому с точки зрения полемического пласта «Золота в лазури» значимым становится не столько образ фонаря, сколько конкретный признак – в стихотворении Белого через сравнение луны с фонарем вскрывается пассивность и отсутствие жизненного начала в лунном свете («*отсвете*»). Именно здесь отчетливо прослеживается полемическое переосмысление доминирующих мотивов диаволического дискурса.

Рассмотрим с этой точки зрения еще одно стихотворение Белого, точнее, конкретный мотив переходного состояния:

Дети солнца, вновь холод бесстрастья!
Закатилось оно –
золотое, старинное счастье –
золотое руно! [6: 81].

[3] Ср. в «Симфонии (2-й, драматической)»: «Загородные рестораны мерцали зловещими огнями, стараясь газом и электричеством прикрыть свою мертвенность» [5: 180].
Ср. также образ фонарей и искусственного освещения в следующих стихотворениях «первого тома» блоковской лирики: «Днем вершу я дела суеты…», «Я просыпался и всходил», «Она стройна и высока…», «По городу бегал черный человек…», «Из газет». Образ фонаря занимает важное место и в позднем творчестве Блока. З.Г. Минц отмечает связь образа фонаря в разделе «Город» с гоголевской традицией [15: 34].
Мифология городского освещения в художественной системе русского символизма представлена в статье А.Л. Топоркова, однако функциональные особенности фонарной символики с точки зрения двух этапов развития русского символизма в статье не затрагиваются [19].

Особого внимания заслуживают отсылающие к диаволическому контексту мотивы холода и бесстрастия – признаки мертвенности, являющиеся устойчивыми характеристиками лунного мира Сологуба:

Молода и прекрасна,
Безнадежно больна,
Смотрит на землю ясно
И бесстрастно луна.
(Ф. Сологуб «Молода и прекрасна…»). [18, Т.2.1: 469].

<…> и мертвая луна
Прохладный яд несбыточных желаний
Вливала в них, ясна и холодна.
(Ф. Сологуб «В стране безвыходной …»)[4]. [18, Т.2.2: 125].

При этом пассивность и отсутствие жизненного начала в диаволическом дискурсе определяют положительную характеристику лунного мира. Конечно, говоря о лунном мире в творчестве Сологуба не следует упускать из виду, что в творчестве поэта центральным остается миф о Смерти-избавительнице. Лунный мир при своей мертвенной пассивности в целом является только неким отражением потустороннего в посюстороннем. На это промежуточное положение луны в диаволическом дискурсе указывает Ханзен-Лёве [20: 199–200]. Примечательно, однако, что бесстрастием характеризуется так-

[4] Ср. также следующие стихи Сологуба: «Пред вами, бесстрастные звезды, / Прекрасных миров бесконечность» [18, Т.1: 254]; «И тайну дивную вещают также там / Бесстрастных звезд узоры» [18, Т.2.1: 420]; «Луны безгрешное сиянье, – / Бесстрастный сон немых дубрав» [18, Т.2.2: 176]; «Я томился в чарах лунных, <…> / К вещей тайне, несказанной / Звал печальный и холодный свет» [18, Т.2.1: 552]; «Мечта души моей, полночная луна, / Скользишь ты в облаках, ясна и холодна» [18, Т.2.2: 49]; «Чародейка злая моя, / Как луна, холодна, бледна» [18, Т.2.2: 87].
Аналогичные мотивы лунного мира разрабатываются также в ранних стихах Брюсова: «Звездное небо бесстрастное, / Мир в голубой тишине» [9: 43]; «Бесстрастно в вышине печалилась луна, <…> / Я посмотрел вокруг. Высокая луна / В прозрачной синеве бледна и холодна» [9: 75]; и Бальмонта: «Отчего нас всегда опьяняет Луна? / Оттого, что она холодна и бледна» [2: 99]; «Как мертвое око, / Мне светит луна» [1: 27].

же сологубовская звезда Маир – главная поэтическая мифологема Сологуба (*«Бесстрастен свет с Маира»* [18, Т.2.2: 50]).

Любопытно, что после «аргонавтического» мифа Белого, в центре которого сюжет полета к солнцу на солнечном корабле «Арго», Сологуб в «Творимой легенде» разрабатывает тему полета на луну. При сохранении устойчивых признаков сологубовских мифологем (Солнце-Змий, луна, земля Ойле, звезда Маир) тема смерти в трилогии получает новые для творчества Сологуба коллизии, что приводит к изменению системы мифопоэтических миров. Влияние идей Н. Федорова, которое прослеживается в «Творимой легенде» [22: 155–194]; [17: 121–134][5], определяет как «космическую» тему трилогии, так и некоторый мировоззренческий сдвиг, ознаменовавший собой кратковременный «оптимистический» этап в творчестве Сологуба[6].

Вернемся, однако, к контексту диаволического символизма. Естественно, диаволический дискурс русского символизма не был порожден только Сологубом. В творчестве других представителей раннего символизма лунный мир не имеет столь тесной связи с темой смерти, но, как и в поэзии Сологуба, становится выразителем индивидуалистской отчужденности. Приведем стихотворение Брюсова:

Все реже я и все бесстрастней
Смотрю на прелести земли,
Как в детстве нежившие басни,
Красоты мира отошли.
<…>

Люблю я сумрачные краски,
Громады стен в лучах луны,
Меня приветствует по-братски
Мир дорассветной тишины.

[5] Следует отметить, что, по-видимому, первой попыткой рассмотреть влияние философии Н. Федорова на русский символиз является статья С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова «Андрей Белый и Николай Федоров» [10]. Конечно, о возможном влиянии Фегорова можно говорить в связи с более поздним творчеством Белого, не затрагивающим эпоху «Золота в лазури».

[6] Мировоззренческий сдвиг Сологуба в определенной степени обусловлен также его сближением с «младшими» символистами [16: 141–142].

Дрожа, белеет сумрак чуткий,
Гремящий город мертв на час,
Спят мудрецы, спят проститутки,
И в два ряда мне светит газ. [9: 336-337].

Заметим, что бесстрастие как признак, ассоциирующийся в диаволическом дискурсе с лунным миром, переходит на лирическое «я».

Не чужда эта тенденция также поэзии Бальмонта, на художественные традиции которого как автора «Будем как Солнце» в известной степени ориентировано «Золото в лазури» Белого. Укажем на сонет Бальмонта «Лунный свет»:

Когда Луна сверкнет во мгле ночной
Своим серпом, блистательным и нежным,
Моя душа стремится в мир иной,
Пленяясь всем далеким, всем безбрежным.
<…>

Людей родных мне далеко страданье.
Чужда мне вся Земля с борьбой своей,
Я – облачко, я – ветерка дыханье. [3: 79–80].

В сущности, мы видим, что бесстрастием характеризуется также лирический герой стихотворения Бальмонта.

Приведем аналогичный пример из поэзии Сологуба:

Преодолев тяжелое косненье
И долгий путь причин,
Я сам – творец, и сам – свое творенье,
Бесстрастен и один. [18, Т.2.2: 54].

Таким образом, в диаволическом дискурсе холод и бесстрастие, с одной стороны, являются устойчивыми признаками лунного мира, с другой – становятся характеристикой отчужденного индивидуалистского сознания. Мы более подробно остановились на соответствующем аспекте поэзии Соло-

губа, поскольку его творчество, безусловно, является наиболее значимым контекстом в плане противопоставления мифопоэтики «Золота в лазури». Именно стихи Сологуба Белый-«аргонавт» объективно считал «квинтэссенцией декадентских переживаний» [4: 128]. Вопрос этот не ограничивается рамками художественного творчества. Кружок «аргонавтов» и жизнетворческие установки младших символистов во многом противопоставлялись замкнутому миру индивидуализма и солипсизма. Этот мировоззренческий аспект являлся внутренне значимым для Белого. В контексте эволюции собственного мировоззрения Белый ретроспективно обозначил конец века как время первого сдвига «от пессимизма чрез катастрофизм (конец мира) к религиозному символизму и христианству» [7: 48]. Неслучайно, что буддийско-шопенгауэровской мечте Сологуба «*О долгой, – бесконечной, – ночи*» Белый противопоставляет библейско-христианский «вечный день» (Откр. 22: 5; Исаи. 60: 19–20):

И все ярче рассвет
золотого огня.
И все ближе привет
беззакатного дня [6: 95].

Конечно, мировоззренческий сдвиг Белого имел и другой вектор, связанный с философией Ницше. Образную систему «Золота в лазури» Белый полностью строит на переплетении двух традиций: библейско-христианской и ницшеанской, которые стали для Белого символами выхода из шопенгауэровского пессимизма. Правда, полемический пласт «Золота в лазури», имеющий отчетливо программный характер, реализован преимущественно в первых стихотворениях книги.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бальмонт К.Д.* Будем как Солнце. – М.: Скорпион, 1903. – 299 с.
2. *Бальмонт К.Д.* Полное собрание стихов: в 10-и тт. – 4-е изд. – М.: Скорпион, 1907–1914. – Т. 1: Под северным небом. В безбрежности. Тишина. – 268, [12] с.
3. *Бальмонт К.Д.* Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1969. – 710 с.

4. *Белый А.* Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 2. / Редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; Подгот. текста и коммент. А. Лаврова. – М.: Художественная литература, 1990. – 687 с.
5. *Белый А.* Симфонии / А. Белый; [Вступ. ст., с. 5–34, сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова]. – Л.: Художественная Литература: Ленингр. отд-ние, 1991. – 526, [1] с.
6. *Белый А.* Стихотворения и поэмы. Т. 1 / Вступ. ст., подг. текста, состав., примеч. А.В. Лаврова, Джона Малмстада (Новая Библиотека поэта). – СПб.; М: Академический проект, Прогресс-Плеяда, 2006. – 640 с.
7. *Белый А.* Материал к биографии // Литературное наследство. Т. 105. Андрей Белый: Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов. – М.: Наука, 2016. – СС. 29–328.
8. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. – М.: Российское библейское общество, 1996.
9. *Брюсов В.Я.* Собрание сочинений в 7-и тт. – М.: Художественная литература, 1973–1975. – Т. 1: Стихотворения. Поэмы. 1892–1909. – Т. 1, 1973. – 670 с.
10. *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Андрей Белый и Н.Ф. Федоров // Творчество А.А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сборник III. – Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1979. – СС. 147–164.
11. *Григорьева Е.Г.* Федор Сологуб в мифе Андрея Белого // Блоковский сборник XV. Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX–XX вв. – Тарту: Тартуский гос. ун-т, 2000. – СС. 108–149.
12. *Дикман М.И.* Поэтическое творчество Федора Сологуба // Ф.К. Сологуб «Стихотворения». – Л.: Советский писатель, 1979. – СС. 5–74.
13. *Лавров А.В.* У истоков творчества Андрея Белого («Симфонии») // Белый А. «Симфонии». – Л.: Художественная литература, 1991. – СС. 5–34.
14. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.
15. *Минц З.Г.* Блок и Гоголь // Александр Блок и русские писатели. – СПб: Искусство-СПБ, 2000. – СС. 22–85.
16. *Минц З.Г., Пустыгина Н.Г.* «Миф о пути» и эволюция писателей-символистов // Поэтика русского символизма. – СПб: Искусство-СПБ, 2004. – СС. 140–143.
17. *Павлова М.М.* О смерти или бессмертии в произведениях Ф. Сологуба. «Творимая легенда» в свете «Философии общего дела» Н. Федорова // Europa Orientalis, № 11.2, 1992. – СС. 121–134.
18. *Сологуб Ф.К.* Полное собрание стихотворений и поэм: в 3-х тт. / Ф. Сологуб; подгот. М.М. Павлова. – СПб: Наука, 2012–2020. – Т. 1: Стихотворения и поэмы, 1877–1892. – Т. 1, 2012. – 1204, [1] с.; Т. 2, кн. 1: Стихотворения и

поэмы, 1893–1899. – Т. 2, кн. 1 / подгот. Т.В. Мисникевич. – 2014. – 990, [1] с.; Т. 2, кн. 2: Стихотворения и поэмы, 1900–1913. – Т. 2, кн. 2 / подгот. Т.В. Мисникевич. – 2014. – 804, [2] с.; Т. 3: Стихотворения и поэмы, 1914–1927. – Т. 3. – 2020. – 939, [1] с.

19. *Топорков А.Л.* Из мифологии русского символизма. Городское освещение // Мир А. Блока. Блоковский сборник <V>. – Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1985. – СС. 101–112.

20. *Ханзен-Лёве А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / Пер. с нем. С. Бромерло, А.Ц. Масевича и А.Е. Барзаха. – СПб: Академический проект, 1999. – 512 с.

21. *Ханзен-Лёве О.* Русский символизм: Система поэт. мотивов: Мифопоэт. символизм начала века. Косм. символика / Аге А. Ханзен-Лёве; [Пер. с нем. М.Ю. Некрасова]. – СПб.: Акад. проект, 2003 (Тип. ООО ИПК Бионт). – 813, [1] с.

22. *Masing-Delic I.* Abolishing Death: A Salvation Myth of Russian Twentieth-Century Literature / Irene Masing-Delic. – Stanford: Stanford University Press, 1992. – VIII. – 363 p.

Ա. ԲԵԼԻԻ «ՈՍԿԻՆ ԼԱԶՈՒՐՈՒՄ» ԲԱՆԱՍՏԵՂԾԱԿԱՆ ԳՐՔԻ ՊՈԼԵՄԻԿ ՇԵՐՏԸ՝ «ԱՐԳՈՆԱՎՈՐԴԱԿԱՆ ՄԻՖԸ» ԵՎ ՌՈՒՍԱԿԱՆ ՍԻՄՎՈԼԻԶՄԻ ԴԻԱՎՈԼԻՍՏԱԿԱՆ ԴԻՍԿՈՒՐՍԸ

Է.Ս. Արշակյան

edgar.arshakyan@ysu.am

Երևանի պետական համալսարանի
ռուս գրականության ամբիոնի հայցորդ,
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում վերլուծվում է Անդրեյ Բելիի «Ոսկին լազուրում» բանաստեղծական գրքի միֆապոետիկ համակարգը ռուսական վաղ սիմվոլիզմի գեղարվեստական հարա-

ցույցի գերիշխող մոտիվների պոլեմիկ վերաիմաստավորման հիմնախնդրի տեսանկյունից: Այս համատեքստում գլխավորապես դիտարկվում է ռուսական սիմվոլիզմի դիավոլիստական դիսկուրսի ամենաակնառու ներկայացուցչի՝ Ֆեոդոր Սոլոգուբի պոեզիան:
Բանալի բառեր՝ Ա. Բելի, Ֆ. Սոլոգուբ, «Ոսկին լազուրում», դիավոլիստական դիսկուրս, սիմվոլիզմ, միֆապոետիկա:

POLEMIC LAYER OF A. BELY'S «GOLD IN AZURE». «ARGONAUTIC MYTH» AND DIABOLIC DISCOURSE OF RUSSIAN SYMBOLISM

E. Arshakyan

edgar.arshakyan@ysu.am

PhD student of the Chair of Russian Literature,
Yerevan State University,
Yerevan, Republic of Armenia

ABSTRACT

The article analyzes the mythopoetic system of «Gold in Azure» by Andrei Bely from the aspect of polemical reconsidering of dominant motifs in the artistic paradigm of the early Russian symbolism. The poetry of Fyodor Sologub as the most prominent representative of the diabolic discourse of Russian symbollism is mainly considered in this context.
Keywords: A. Bely, F. Sologub, «Gold in Azure», diabolic discourse, symbolism, mythopoetics.

Информация о статье:
статья поступила в редакцию 18 октября 2022 г.,
подписана к печати в номер 10 (14) / 2022 – 01.12.2022 г.